

© 1998 г.

Н.Г. Новиченкова

РИМСКОЕ ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ИЗ СВАТИЛИЩА У ПЕРЕВАЛА ГУРЗУФСКОЕ СЕДЛО*

Публикуемые в настоящей работе предметы римского снаряжения, обнаруженные в святилище у перевала Гурзуфское Седло, характерные для археологических памятников периодов республики и раннего принципата (обычно встречающиеся в местах пребывания римских войск), не составляют отдельного комплекса. Необходимо отметить, что все эти вещи поступали сюда в разное время и залегали в различных слоях, попеременно с другими разнородными votivami, пожертвованными в святилище на протяжении всей античной эпохи начиная с VII в. до н.э. и до конца поздней античности.

Такая разрозненность предметов римского импорта в святилище связана с особенностью формирования культурного слоя, обусловленной типологической принадлежностью памятника, малой толщиной наслоений (от 3 до 20 см), образовавшихся за длительный исторический период. Совершение ритуалов на одном и том же участке площадью около 2 тыс. м² неизбежно приводило к постоянному разрушению напластований, при этом находившиеся в них вещи перемещались, не образуя (за редким исключением) четко локализованных хронологических комплексов. Многие предметы при совершении обрядов намеренно повреждались и теперь, частично или полностью, собираются из разрозненных фрагментов и деталей. Таким образом, хотя по данным стратиграфии в святилище и выделяются разные этапы его истории, характеризующиеся конкретной ритуальной культурой, слои внутри каждого из таких этапов не могут быть дифференцированы. В связи с этим выделение хронологических групп импортов эллинистического и римского времени осуществлено с помощью сравнительно-типологического метода.

Опираясь на многочисленные аналогии и находки таких важных для датировки вещей, как римские и боспорские монеты, фибулы и стеклянные сосуды, удалось выделить четыре периода, когда импорт в святилище на Гурзуфском Седле поступал наиболее интенсивно и, вероятно, комплексами: 1) конец II – начало I в. до н.э.; 2) вторая половина I в. до н.э. (особенно последние его десятилетия); 3) 40-е годы I в. н.э.; 4) вторая половина I в. н.э. – рубеж I–II вв. (в последний период уже намечается спад в деятельности святилища).

Публикация данной группы вещей имеет обзорный характер и не является исчерпывающей, так как многие предметы из этой коллекции заслуживают более подробного и обстоятельного исследования, реставрации, идентификации.

Помимо римского военного снаряжения (наступательного и оборонительного во-

* Исследование импортов святилища у перевала Гурзуфское Седло осуществляется благодаря содействию и помощи редколлегии журнала «Вестник древней истории» и Американской школы классических исследований в Афинах.

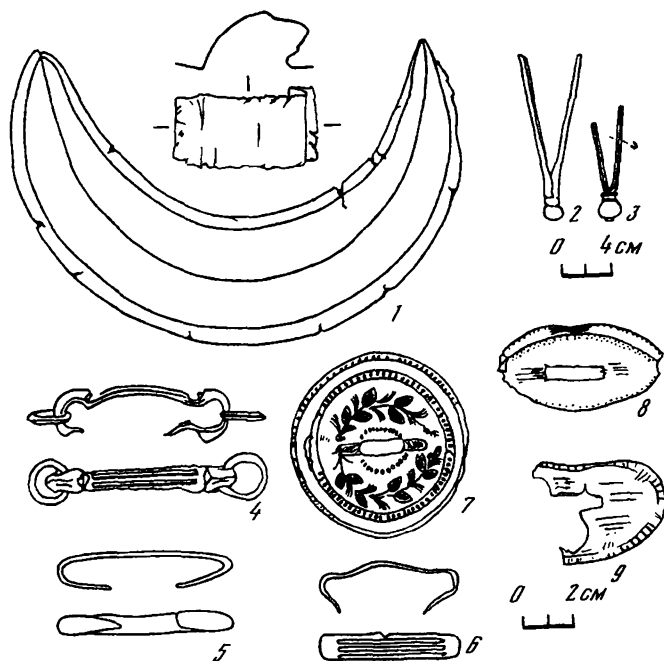

Рис. 1. Детали мечей и сигнума (1, 7 – бронза с покрытием из белого металла; 3, 4, 6, 8, 9 – бронза; 2, 5 – железо)

оружия, предметов культовой военной атрибутики, деталей военного костюма и амуниции) выделяются следующие группы римских вещей: стеклянная и металлическая посуда, инструменты, монеты, ювелирные изделия и другие категории находок¹, коим предполагается посвятить отдельные публикации.

1. ОРУЖИЕ

Находки в святилище многочисленных римских вещей связаны с военным контекстом, о чем свидетельствует присутствие среди них предметов вооружения, в частности деталей мечей и их ножен. Обнаружено около двух десятков фрагментов бронзовых и железных обкладок, а также оконцевателей ножен (рис. 1, 2, 3), скреплявших их скоб (рис. 1, 5, 6), в том числе с кольцами для подвешивания (рис. 1, 4), от трех или четырех мечей. Имеются также бронзовые обкладки гард овальной или круглой формы от рукоятей мечей, в том числе одна, посеребренная, с тисненным изображением веток пинии (рис. 1, 7–9). Указанные детали (обкладки ножен, скобы, гарды) относятся к «типу Майнц» (к которому принадлежит и «меч Тиберия» из Британского музея) и датируются первой половиной I в. н.э.² Такие же обкладки ножен обнаружены в Магдаленсберге, который был покинут римлянами в 45 г. н.э.³

Другие римские предметы наступательного вооружения представлены несколькими наконечниками дротиков с листовидным пером и тонкой втулкой (рис. 2, 1–3), с

¹ Новиченкова Н.Г. О контактах населения Горного Крыма с Боспором по материалам святилища у перевала Гурзуфское Седло // Боспорский сборник. Вып. 4. М., 1994. С. 54–56; она же. О римских вещах из варварского святилища у перевала Гурзуфское Седло // Страницы истории Ялты. I Дмитриевские чтения. Ялта, 1996. С. 4–11.

² Manning W.H. Catalogue of the Romano-British Iron Tools, Fittings and Weapons in the British Museum. L., 1985. P. 148 f. Pl. XIX–XXI; Bishop M.C., Coulston J.C.N. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. L., 1993. Fig. 37, 3, 4; 38, 2, 3.

³ Bishop, Coulston. Op. cit. P. 71.

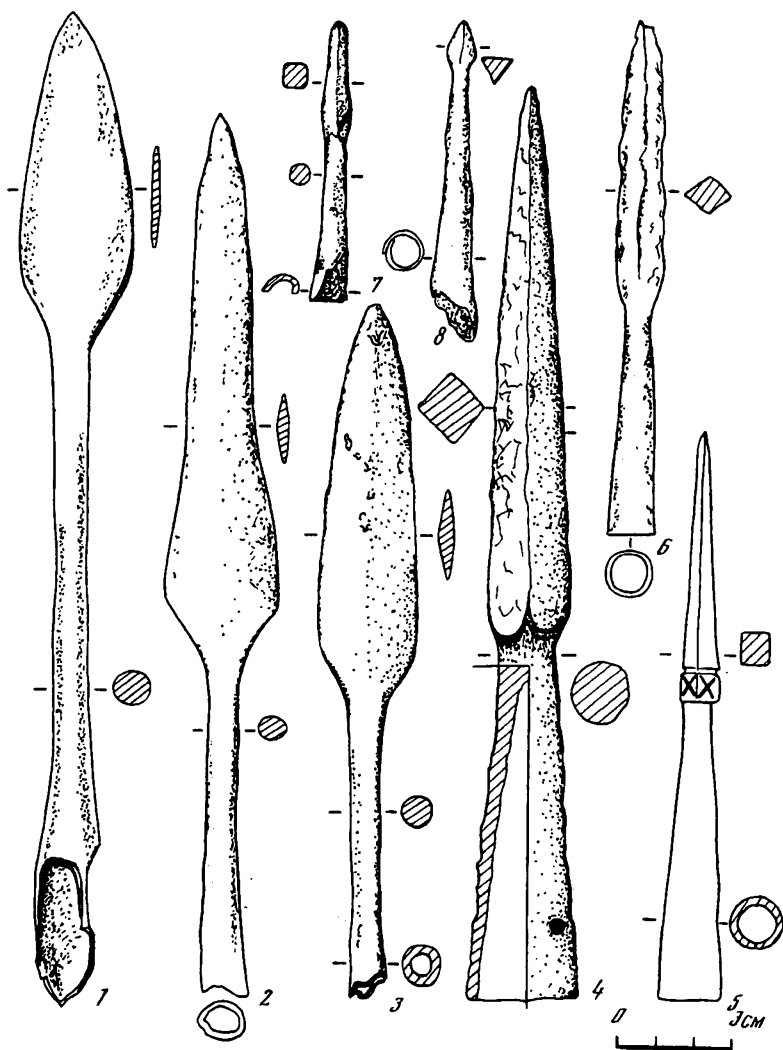

Рис. 2. Железные наконечники копий и дротиков и наконечники для катапульты

коническим и квадратным в сечении пером⁴ (рис. 2, 4–6), а также двумя наконечниками от катапульты (рис. 2, 7, 8). Втульчатых наконечников с короткой конической головкой от катапульты середины I в. н.э., подобных нашему, немало в Ход Хилле⁵.

На Гурзуфском Седле найдены также металлические детали от римских овальных щитов *scutum*: полусферической формы бронзовые умбоны с выступами в верхней и нижней частях, переходящими в продольные ребра, как бы являвшиеся осью симметрии щита⁶. Один из двух найденных умбонов перегнут пополам (рис. 3, 2). Ко второму с посеребренной поверхности умбону, длина которого 37 см (рис. 3, 1) по размерам и по форме изгиба подходит посеребренное же ребро длиной 36 см, обнаруженное в эллинистическом слое. Общая длина реконструируемой металлической конструкции из умбона и двух ребер составляла не менее 108–109 см. Щит «скутум» данной конструкции известен с республиканского периода (Liv. IX. 40;

⁴ Webster G. The Roman Imperial Army. L., 1969. P. 236–239; Bishop, Coulston. Op. cit. P. 82. Fig. 44, 3.

⁵ Manning. Op. cit. P. 170–175. Pl. 82–85, VMI – V249.

⁶ Новиченкова. О римских вещах... С. 6.

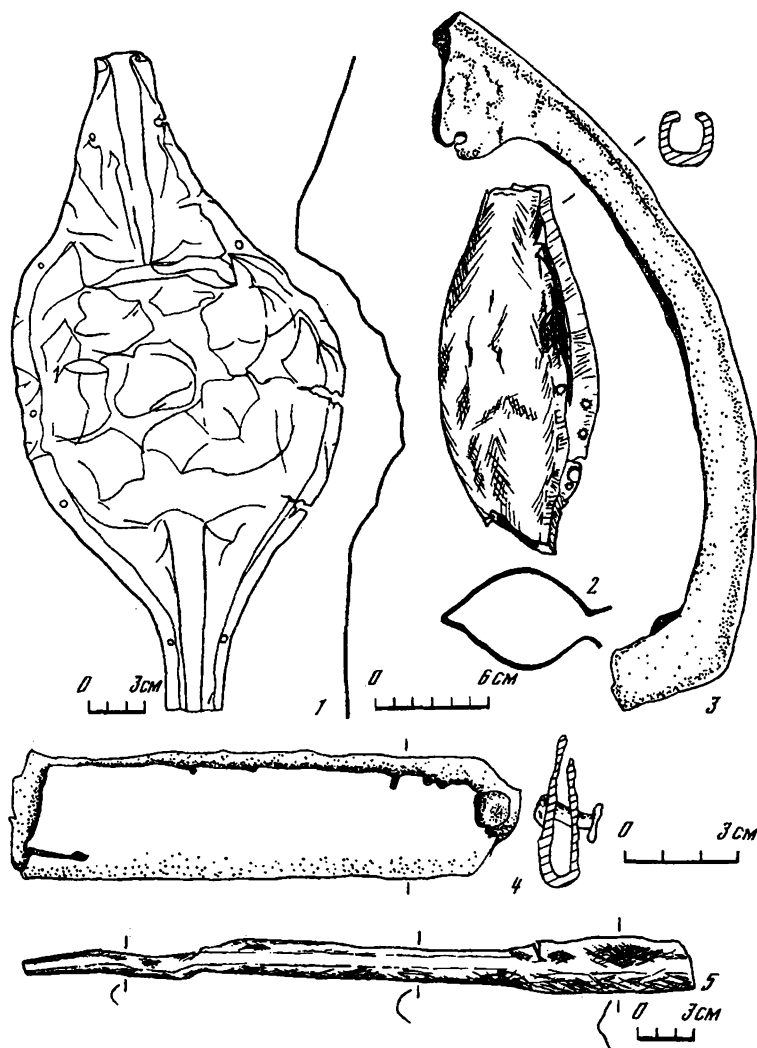

Рис. 3. Умбоны щитов «скутум» и детали оковки их краев (1 – бронза посеребренная; 2 – бронза; 3, 4 – железо)

Polyb. VI. 23. 2–5; 25.7)⁷. Его изображение имеется на рельефе алтаря Гнея Домиция Агенобарба, датируемого временем около 100 г. до н.э., из Лувра⁸. Овальные щиты с умбонами округлой формы и продольными ребрами изображены на надгробиях I в. н.э. из Майнца и Херсонеса (см. рис. 4, 1)⁹. В святилище обнаружены хорошо сохранившиеся детали бронзовой и железных оковок краев щитов (рис.3, 3, 4). Металлические умбоны от римских щитов «скутум» из святилища на Гурзуфском Седле являются первыми находками такого рода в Северном Причерноморье.

Из других видов защитного снаряжения упомянем находки 848 фрагментов разрубленной в святилище железной кольчуги *Lorica hamata*, которые затем были

⁷ Токамаков В.Н. Структура и боевое построение римского войска ранней республики // ВДИ. 1995. № 4. С. 152.

⁸ Bishop, Coulston. Op. cit. P. 58, 82. Fig. 28a.

⁹ Блаватский В.Д. Военное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 141. Рис. 64.

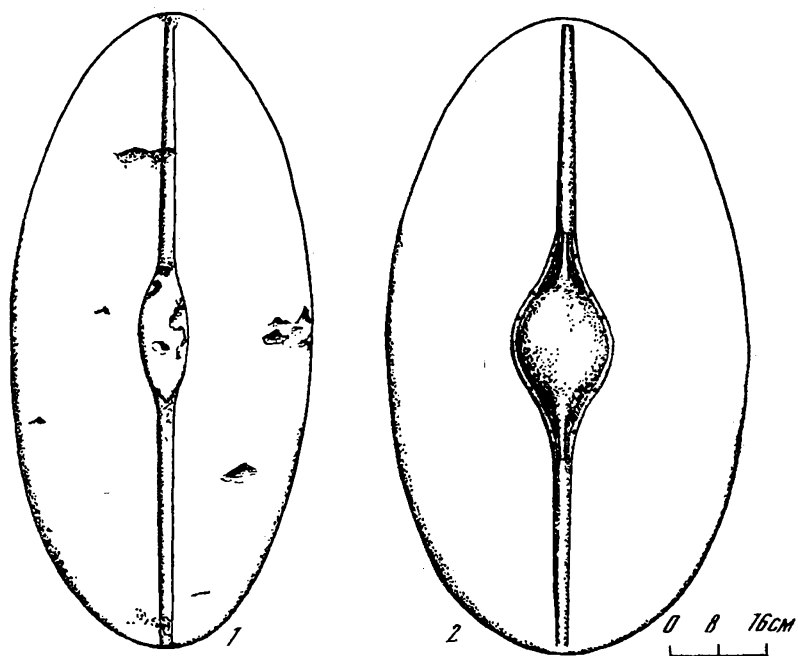

Рис. 4. 1 – изображение щита на надгробии архонта Газурия из Херсонеса, I в. н.э.; 2 – вариант реконструкции щита по металлическим деталям, найденным в святилище у перевала Гурзуфское Седло

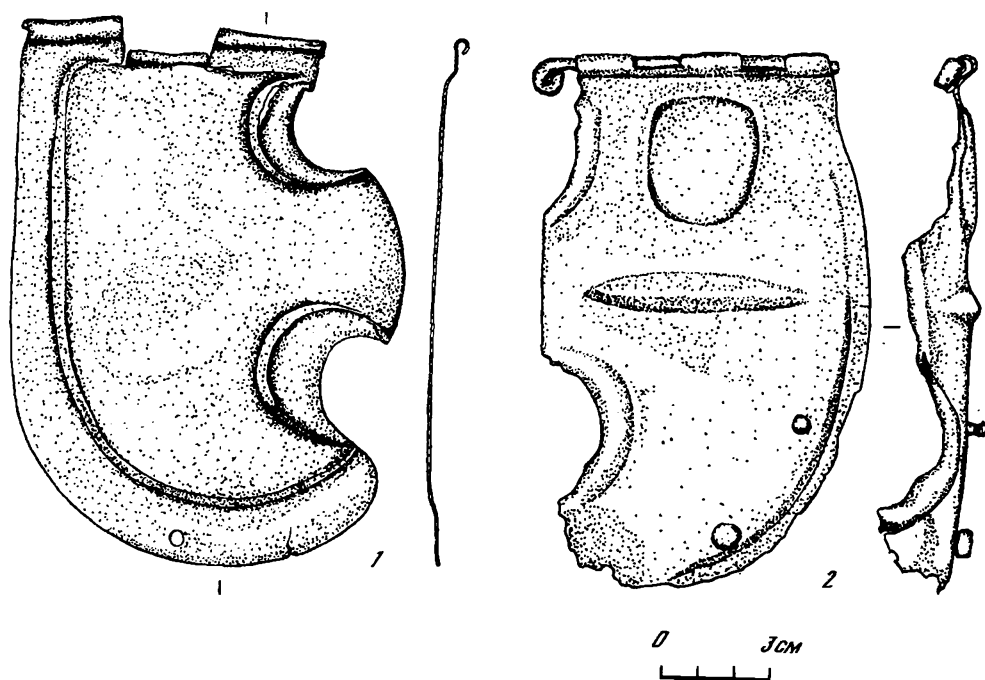

Рис. 5. Бронзовые нащечники шлемов

разбросаны по всей центральной части ритуального комплекса; некоторые фрагменты были обнаружены в жертвенных ямках и на периферии. Диаметр колечек не превышает 4–5 мм. Найден также крупный фрагмент бронзовой кольчуги мелкого плетения. Сохранность отдельных частей такова, что кольца в них до сих пор находятся в подвижном соединении между собой.

В античных государствах Северного Причерноморья кольчуги были в употреблении со второй половины I в. до н.э. по IV в. н.э.¹⁰ У кочевников кубанских степей они появляются на рубеже нашей эры. Их фрагменты найдены в кургане у станицы Тифлисской и в могильнике возле станицы Владимирской¹¹, в сарматском погребении в районе станицы Михайловской в Закубанье¹². От найденной в святилище эти кольчуги отличаются более крупным размером колец (диаметр – 8 мм).

Хотя кольчуга и была изобретена на Западе, там она известна в основном по скульптуре, рельефам и надгробным памятникам с I в. до н.э. Фрагменты настоящей римской кольчуги зафиксированы только в нескольких местах. Археологи в большинстве случаев находят груды окислившегося железа, что, естественно, не позволяет ничего сказать ни о форме, ни о размерах колец¹³. Часто кольчатое плетение сочеталось с панцирным, но типология кольчуг раннего принципата пока не разработана. В различных частях Римской империи известно лишь шесть-семь случаев (больше всего в Британии) находок при раскопках отдельных маленьких фрагментов «лорика хамата» мелкого плетения: в Карнунтуме, Лунте, Каллинварк Лохе, Ньюстеде, Аугсбурге, Ауддорпе, т.е. в местах бывших римских военных лагерей¹⁴. Судя по большому количеству найденных фрагментов, кольчуга с Гурзуфского Седла является наиболее репрезентативным образцом такого рода римского защитного доспеха. Время изготовления можно установить на основании даты ритуального комплекса, предназначенного для обрядов сожжения, с привлечением таких датирующих материалов, как монеты, фибулы и стекло, т.е. последние три или два десятилетия I в. до н.э.

В дополнение к двум опубликованным нащечникам (рис. 5)¹⁵, которые относятся к двум близким по конструкции шлемам галльского типа (по мнению В.М. Зубаря) или, возможно, типа *soolus*¹⁶, можно выделить ручку для подвешивания шлема последнего типа во время похода к поясу (рис. 6, 4), которая крепилась к шейной гарде¹⁷. Найдены также крупные части вместилища железного шлема и нащечник от него, а также немало фрагментов бронзового шлема Монтефортино.

Шлем «типа Монтефортино» был разрублен на множество частей, которые, как и кольчуга, встречаются в разрозненном состоянии в слоях ритуального комплекса с ямками, поэтому трудно определить его тип по классификации Г. Робинсона. Такие шлемы изготавливали с IV в. до н.э. по I в. н.э., самые ранние образцы обнаружены в погребениях в Этрурии, в районе Перуджи¹⁸. На территории Восточной Европы сейчас известно 15 находок шлемов «типа Монтефортино», в основном в сарматских

¹⁰ Там же. С. 145.

¹¹ Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968. С. 55; Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 61.

¹² Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В. Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье) // СА. 1985. № 4. С. 226, 233.

¹³ Robinson H.R. The Armour of Imperial Army. L., 1975. P. 164–173.

¹⁴ Ibid. P. 173; Hobley B. A Neronian-Vespasianic Military Site at «The Lunt», Baginton, Warwickshire // Transactions of the Birmingham Archaeological Society. 1969. 83. P. 65–129; Manning. Op. cit. P. 37. Fig. 5.

¹⁵ Зубар В.М. Нові знахідки фрагментів римських шоломів у Таврії // Археологія. Київ, 1993. № 1. С. 66–70; Novichenkova N.G. Il santuario del passod: Gurzuf, monumento di epoca antica e medievale nei Mouniti di Crimea // Dal Mille al Mille, Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano, 1995. S. 132. № 35.

¹⁶ Robinson. Op. cit. P. 30, 48, 51, 72. Fig. 97; Bishop, Coulston. Op. cit. P. 93; Fig. 56, 7; Bottini A., Egg M. Antike Helme. Mainz, 1988. P. 328. Fig. 47.

¹⁷ Robinson. Op. cit. P. 38. Fig. 89.

¹⁸ Ibid. P. 16; Bishop, Coulston. Op. cit. P. 60f; Raddock J. Sone Chauges in the Manufacture and Supply of Roman Bronze Helmets under the Late Republic and Early Empire // The Production and Distribution of Roman Military Equipment. BAR, Int. Ser. 275. L., 1985. P. 143–145.

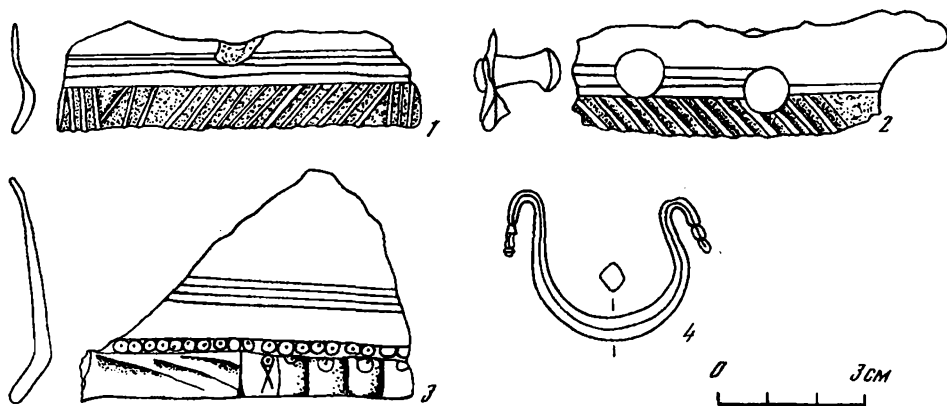

Рис. 6. Детали и фрагменты шлемов из бронзы

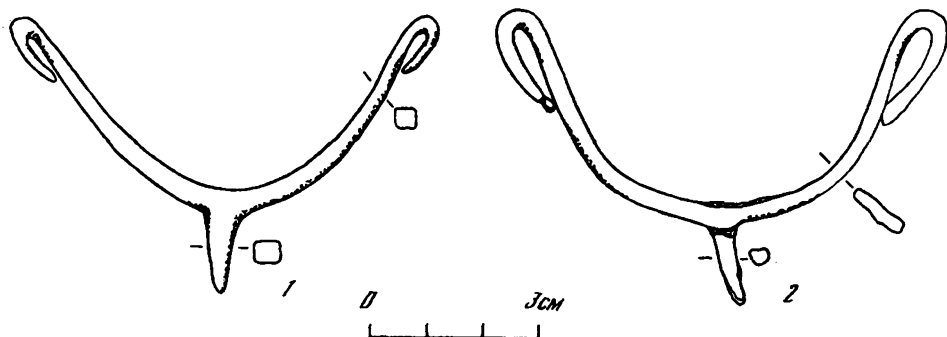

Рис. 7. Шпоры (1 – железо, 2 – бронза)

памятниках II–I вв. до н.э. в Подонье¹⁹. Большинство исследователей связывает их появление с участием варварских племен в Митридатовых войнах²⁰. Стратиграфические данные позволяют отнести шлем «типа Монтефортино», найденный на Гурзуфском Седле, к рубежу нашей эры, хотя не исключено его повторное использование, как и других ранних вотивов, что прослеживается в святилище на примере многочисленных находок.

Из снаряжения всадника выделяются четыре шпоры. Две из них, бронзовая и железная с дужками (рис. 7), заканчивающимися отгибами, и близки находкам I в. до н.э. – I в. н.э. из зарубинецких и дакийских памятников²¹. Найденные шпоры

¹⁹ Гущина И.И. Случайная находка в Воронежской области // СА. 1961. № 2. С. 241–243; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 69–71. Рис. 26, 27; Раев Б.А. К хронологии импорта в сарматских курганах Нижнего Дона // СА. 1976. № 1. С. 38; Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С. 150; Медведев А.П. Сарматы и Лесостепь (По материалам Поволжья). Воронеж, 1990. С. 22; Симоненко О.В. Пізньоскіфський комплекс з с. Мар'івка Миколаївської області // Археологія. Київ, 1985. 55. С. 66; Симоненко А.В. Импортное оружие у сарматов // Кочевники Евразийских степей и античный мир. Новочеркасск, 1989. С. 65; Щукін М.В. На рубежі ер. СПб., 1994. С. 143. Рис. 57, 14; Бруако І.В., Росохацький А.А. Кельто-італійський шлем із колекції Белгород-Дністровського музею // ПАВ. 1993. 7.

²⁰ Раев Б.А. Бронзовый шлем из коллекции Новочеркасского музея // КСИА. 1988. 194. С. 38; Раев В.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 121; Трейстер М.Ю. Комплекс металлических изделий из Марьевки в собрании ГМИИ имени А.С. Пушкина (Датировка и интерпретация) // Тез. докл. научной сессии ГМИИ за 1986 год. М., 1987. С. 22; Shchukin M.B. Rome and Barbarians in Central and Eastern Europe (1st century B.C. – 1st century A.D.). Pt I. BAR. Int. Ser. 542. L., 1989. P. 239.

²¹ Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982. Табл. VI, 7; XXIII, 4; Хавлюк П.І. Памятки зарубинецької культури в Побужжі // Археологія. 1971. 4. Рис. 2, 6; Котигорошко В.Г. Ремесленное производство на дакийском городище Малая Копаня // СА. 1989. № 2. С. 184. Рис. 3, 2.

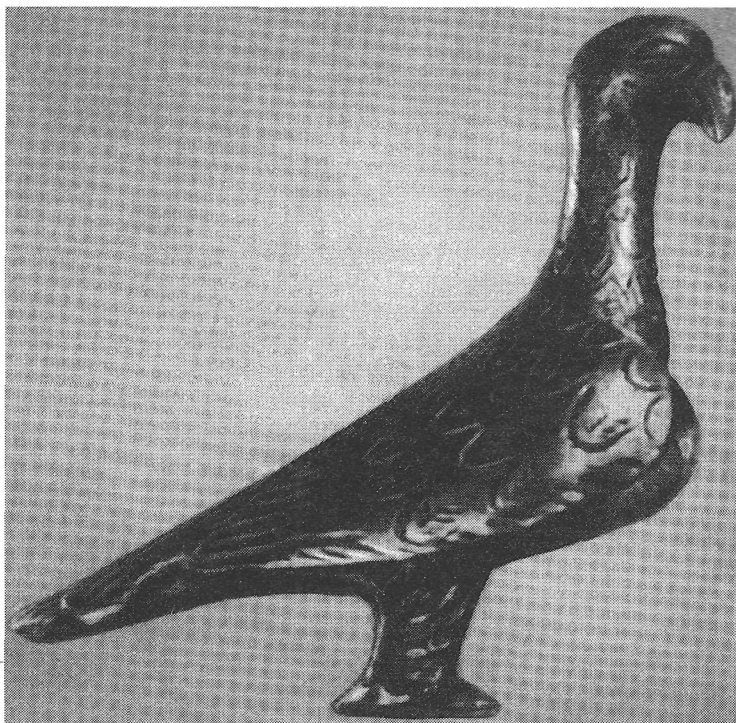

Рис. 8. Серебряная статуэтка орла

Рис. 9. Бронзовая статуэтка коня

следует, видимо, связывать с римским военным снаряжением, учитывая большое количество находок предметов римской воинской атрибутики, а также и то обстоятельство, что в Крыму первая археологически засвидетельствованная находка подобных шпор относится к гораздо более позднему времени – в погребении II – начала III в. в могильнике Скалистое III²². Одна из шпор на Гурзуфском Седле обнаружена рядом с наконечником от катапульты. В Европе распространение шпор связано с кельтской экспансией, на рубеже нашей эры их начинают употреблять и другие народы²³. Находки шпор республиканского времени известны в Нуманции и других местах стоянок римских войск, хотя и там они сравнительно редки²⁴. Близкие нашим парные шпоры с загнутыми концами найдены в Британии (Корбридж), Германии (Майнц), Австрии (Зальцбург), причем у каждой пары один экземпляр был изготовлен из железа, а другой – из бронзы²⁵. Наша пара более всего соответствует находке из Ход Хилла в Дорсете²⁶.

2. ПРЕДМЕТЫ ВОИНСКОЙ КУЛЬТОВОЙ АТРИБУТИКИ

Статуэтки орла (высота – 4,5 см) из серебра (рис. 8) и коня (высота – 5,3 см) из бронзы (рис. 9)²⁷ по контексту, в котором они обнаружены (с сотнями других римских вещей – деталями амуниции, военного костюма, предметов вооружения, краснолаковой, металлической, стеклянной посуды и пр.), могут быть интерпретированы как детали воинских знаков римских подразделений. Статуэтке коня близка по стилю исполнения бронзовая фигурка коня из Честерхолма (Виндоланда) в Натумберленде, которая определяется как украшение вексиллума²⁸.

Серия случайных находок терракотовых и бронзовых фигурок орлов происходит с Боспора, что, по мнению некоторых исследователей, может указывать на непосредственное присутствие там римлян²⁹. Они известны в Пантикапее (где находили ауреусы Юлия Цезаря³⁰, фибулы типа Авцисса раннего варианта, щиток пряжки ремня легионера) и в других местах³¹. Фигурка орла найдена также в Вани возле крепостных ворот вместе с отдельными предметами римского вооружения³².

Находкой большой ценности из святилища, которую, согласно стратиграфическим данным, можно датировать последними двумя десятилетиями I в. до н.э., является крупная бронзовая пластина в форме лунницы с продольным ребром в средней части и посеребренной лицевой поверхностью длиной 18,8 см (рис. 1, 1'). В ее средней части, с тыльной стороны, припаяна омегаобразная в сечении скоба. Предположительно, это деталь сигнума. Изображения подобных деталей сигнумов имеются на монетах Марка Антония и Августа с фигурами сигниферов³³, в частности на денарии ок. 18 г. до н.э. из коллекции Британского музея³⁴.

²² Богданова Н.А., Гуцина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв. н.э.) // СА. 1976. № 4; Шульц П.Н., Зубарь В.М. Памятники позднескифской культуры в Крыму // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986. С. 267.

²³ Перхавко В.В. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // СА. 1978. № 3. С. 113; Еременко В.Е., Шукун М.В. Кимвры, тевтоны, кельты и некоторые вопросы хронологии рубежа среднего и позднего Латена // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. СПб., 1992. С. 110; Meduna J. The Oppidum of Stave Itradisko // The Celts. Milan, 1991. P. 546.

²⁴ Bishop, Coulston. Op. cit. Fig. 32, 2–4.

²⁵ Manning. Op. cit. P. 69. Fig. 18, 1.

²⁶ Ibid. P. 70. Pl. 29, H. 26.

²⁷ Novičenkova. Op. cit. S. 128, № 15; 130, № 20.

²⁸ Johnson A. Roman Fort 1 of the 1st and 2nd Centuries AD in Britain and the German Provinces. L., 1983. P. 113. Fig. 82.

²⁹ Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979. С. 39–44.

³⁰ Толстиков В.П. О системе обороны акрополя Пантикапея // Культура и искусство Боспора. СГМИИ. Вып. 7. М., 1984. С. 46, 51. Рис. 15.

³¹ Трейстер М.Ю. Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. № 2. С. 50–51, 56–61. Рис. 3, 1–6.

³² Лордкипанидзе Г.А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970. С. 34. Рис. 2.

³³ Абрамзон М.Г. Император и армия в монетной типологии // ВДИ. 1996. № 3. С. 126. Рис. 1, 1, 2.

³⁴ Колпинский Ю.Д., Бритова Н.Н. Искусство этрусков и древнего Рима. М., 1982. Рис. 139 з.

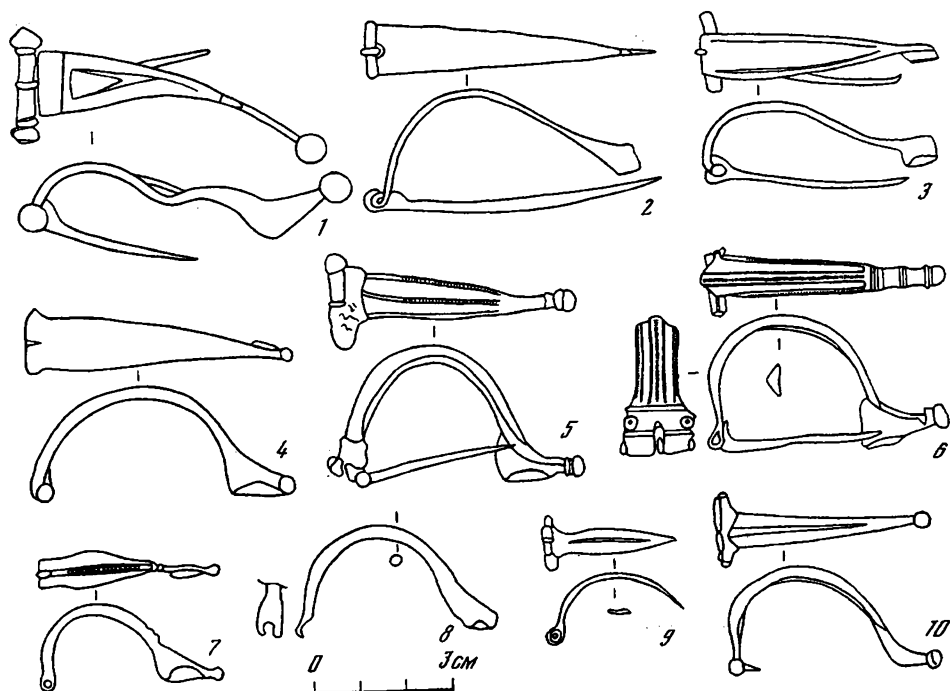

Рис. 10. Шарнирные дуговидные фибулы (2, 4 – железо; 1, 3, 5–10 – бронза)

3. ДЕТАЛИ РИМСКОГО ВОЕННОГО КОСТЮМА

Из 35 экземпляров фибул западного происхождения (в том числе 4 латенских, 11 воинских) 24 экземпляра почти определенно могут быть связаны с римским военным костюмом. Среди них – 17 раннеримских шарнирных дуговидных, 6 фибул-брошей, 2 экземпляра фибул единичных вариантов. Из северопричерноморских древностей наиболее интересна группа фибул Алезия (6 экземпляров), для которой характерна шарнирная конструкция и треугольный корпус.

Находки фибул типа Алезия редки в Восточной Европе: они засвидетельствованы в Приднепровье, Поволжье, на Кавказе. До раскопок на Гурзуфском Седле в Крыму был известен единственный экземпляр этого типа, из золота, в кургане Ак-Бурун. Железная фибула (рис. 10, 2) из святилища близка находке из кургана близ Зубовского хутора³⁵. Почти «классический» вариант фибулы типа Алезия представляет бронзовая деформированная фибула с треугольной прорезью на спинке и довольно крупным шаром на конце треугольного пластинчатого приемника (рис. 10, 1). К типу Алезия восходят маленькая серебряная фибула (длиной 4 см), золотая фибула с гранатовой вставкой (длиной 4,5 см)³⁶ и бронзовая фибула, у которой в шарнир был вставлен толстый железный стержень с выступающими концами, а края спинки подчеркнуты двумя продольными желобками (рис. 10, 3).

Фибулы типа Алезия бытовали в Восточной Галлии, Северной Италии и Далмации с 52 г. до н.э. по 15 г. н.э.³⁷, затем они трансформировались в тип Авцисса, образуя с

³⁵ Жукин М.В. Фибулы типа Алезия из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры // СА. 1983. № 3. Рис. 68; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.

³⁶ Novičenkova. Op. cit. S. 127, № 9.

³⁷ Жукин. Фибулы... С. 64–65.

ним конструктивно и стилистически единую группу³⁸. Переходный вариант между типами Алезия и Авцисса представляет железная фибула с треугольной ленточной дужкой и слабо выделенной кнопкой на конце приемника (рис. 10, 4), вероятная дата которой – последняя четверть I в. до н.э.

Группа фибул типа Авцисса включает восемь экземпляров, шесть из которых относятся к раннему ее варианту 20 г. до н.э. – рубежа нашей эры (рис. 10, 7–10). Подобные фибулы известны в основном в Галлии и Северной Италии, встречаются они в Греции и Малой Азии. Ранние фибулы типа Авцисса из святилища имеют аналогии среди материалов из Пантикапея³⁹. Представляет интерес фибула из жертвенной ямки № 163 (рис. 10, 7), обнаруженная вместе с фрагментом железной кольчуги, денариями Августа и Тиберия, имевшая небольшую кнопку на конце приемника, который соединяется с дужкой под углом. По форме корпуса и особенностям оформления она близка фрагментированной фибуле в сводке А.К. Амброза⁴⁰. Фибулы типа Авцисса классического варианта первой половины I в. н.э., распространенные в римских пограничных лагерях⁴¹, встречены в святилище лишь дважды (рис. 10, 5, 6), но надписи на них отсутствуют. Значительный приток фибул этого типа из прирейнских галльских центров через города Северного Причерноморья засвидетельствован в первой половине I в. н.э.⁴²

Среди фибул-брошей хронологически близкими фибулам типа Авцисса второго варианта являются две круглые фибулы-броши без эмали с прорезным щитком. В западных римских провинциях они были распространены с эпохи Тиберия, их немало в раскопках крымских могильников и на азиатской стороне Боспора⁴³. Типологически им близка фибула более редкой формы с ромбовидным щитком, посеребренным снаружи (рис. 10, 5), в центре которого, как и у круглых ажурных брошей, железный стерженок. С одной стороны на углу ромба сохранились завитки. Изделие относится к провинциальным фибулам, распространенным в Паннонии и на Рейне во второй половине I – первой половине II в. н.э. и находит аналогии в боспорских и позднескифских некрополях⁴⁴. Единственным экземпляром представлена фибула-брошь с непрорезным щитком округлой формы, с небольшими выступами по краям (рис. 10, 6). В ее центре сохранился след припоя для крепления вставки, которая утрачена. Фибула близка единичным экземплярам из некрополя поселения у дер. Ново-Отрадное. Подобные фибулы известны в западных провинциях, их обычно датируют эпохой Клавдия-Нерона⁴⁵.

Оригинальный образец представляет собой провинциальная шарнирная бронзовая фибула в виде дельфина (рис. 11, 2), найденная в Крыму впервые. Датировать ее можно по сходству с изображениями дельфинов на ручках бронзовых сосудов, т.е. I в. до н.э. – I в. н.э.⁴⁶ Еще два редких для Крыма экземпляра западных римских фибул найдены на Гурзуфском Седле: 1) сильно профилированная фибула из бронзы с

³⁸ *Трейстер*. Римляне... С. 59.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.) // САИ. Вып. Д1 – 30. М., 1996. Табл. 5, 2.

⁴¹ *Трейстер*. Римляне... С. 60.

⁴² *Амброз*. Ук. соч. С. 190; *Шукин*. Фибулы... С. 65.

⁴³ *Корпусова В.Н.* Некрополь Золотое. Киев, 1983. С. 66. Рис. 19, 11; *Сымонович Э.А.* Население столыци позднескифского государства. Киев, 1983. С. 90. Табл. XXV, 17–19; *Трейстер М.Ю.* Фибулы из Горгиппии // Горгиппия. Вып. II. Краснодар, 1982. С. 151. Рис. 1, 4, 5; *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1–7. М., 1991. С. 37. Табл. 65, 11.

⁴⁴ *Арсеньева Т.М.* Могильник у деревни Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова. МИА. 1970. 155. С. 142. Табл. II, 11; *Корпусова*. Ук. соч. Рис. 19, 4; *Дашевская*. Ук. соч. Табл. 65, 8; *Михлин В.Ю.* Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. № 3. С. 209. Рис. 9, 4, 5.

⁴⁵ *Арсеньева*. Ук. соч. С. 143. Табл. 11, 10.

⁴⁶ *Reeder E.W.* The Archaeological Collection of the John Hopkins University. Baltimore–London, 1984. P. 78, № 53; *Fakler-Feytmans G.* Les bronzes romains de Belgique. Mainz, 1979. № 192–194. Pl. 79.

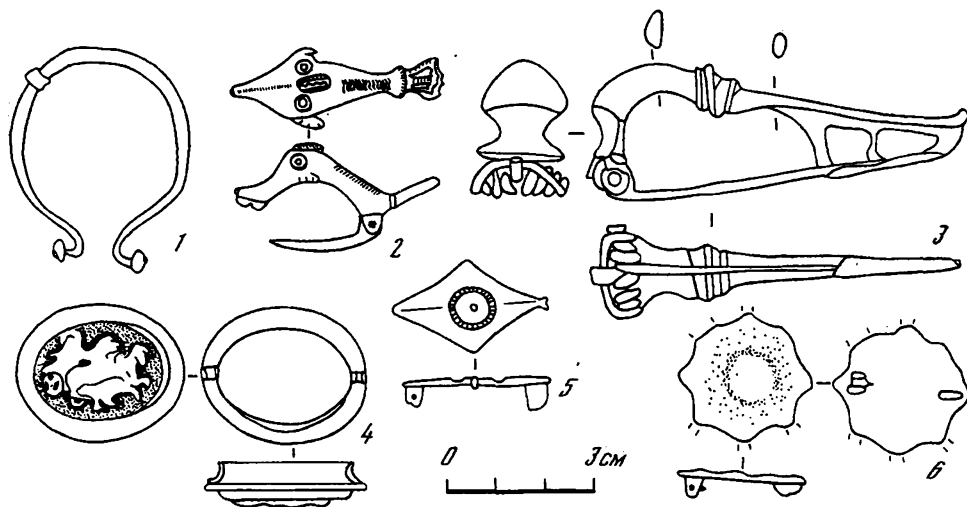

Рис. 11. Различные типы фибул (1, 2, 3, 6 – бронза; 4 – бронза, стекло; 5 – бронза посеребренная)

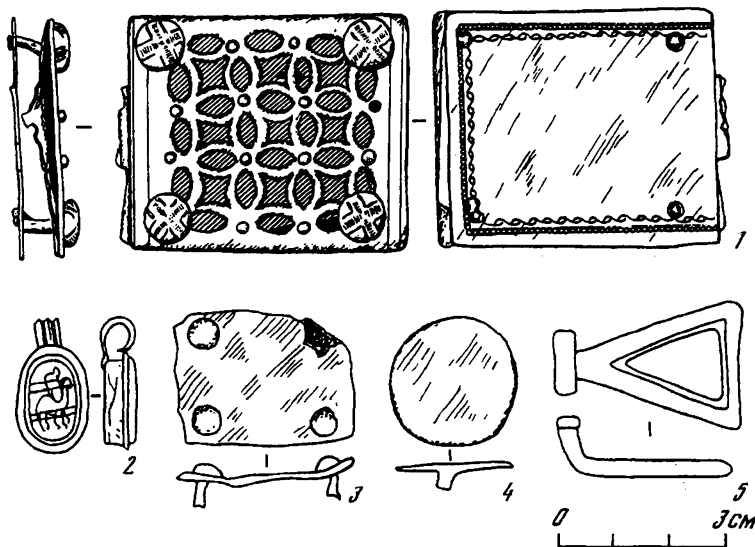

Рис. 12. Подвеска и детали амуниции (1 – серебро, стекло; 2 – бронза; 3–5 – серебро)

длинным треугольным приемником с двумя прорезями, массивной расширенной головкой, валиком на дужке, многовитковой пружиной и тетивой, пропущенной через кольцо в головке (рис. 11, 3); подобные изделия были распространены в провинциях Паннония, Норик, Реция с середины I в. до н.э., причем прорезной приемник характерен для более ранних из них, однако к середине I в. н.э. (моменту завоевания Британии) эти фибулы стали выходить из моды⁴⁷; 2) бронзовая фибула-брошь, согнутая из стержня неравномерной толщины с коническими шипечками на концах (рис. 11, 1). Фибулы такой формы под названием «омега» найдены в местах расположения римских лагерей в Британии (Окстон, Ноттингемшир). Подобные броши были также широко

⁴⁷ Habbat R. Ancient and Romano-British Broches. Dorset, 1983. P. 104–107.

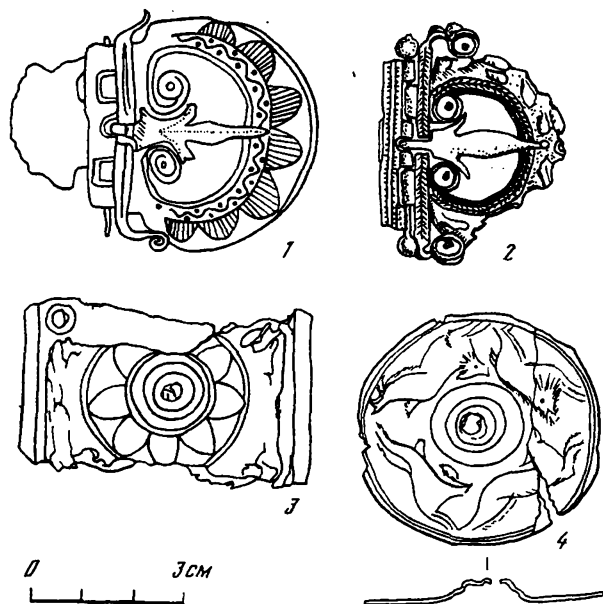

Рис. 13. Детали норико-паннонских поясов и бляха "охотничьего" типа (1, 3 – бронза; 2 – серебро; 4 – бронза посеребренная)

распространены в Испании, Скандинавии, в центрах латенской культуры. Все эти серии фибул имели долгую жизнь, поэтому их датировка затруднена, возможно, что это рубеж I в. до н.э. – I в. н.э.⁴⁸

Одна из бронзовых брошей овальной формы украшена стеклянной камеей, помещенной в овальное углубление (рис. 11, 4). Застежка не сохранилась, а к тыльной стороне были припаяны колючки, почти полностью обломившиеся. Камея из двухслойного стекла темно-фиолетового и молочно-белого цветов изображает Викторию на колеснице. Стеклянные камеи утвердились в Италии в последней трети I в. до н.э. наряду с первыми выдувными сосудами⁴⁹. Камеи из двухслойного стекла имеются в коллекции Эрмитажа, одна из таких камей обнаружена в херсонесском склепе I–III вв.⁵⁰ Еще одно украшение со стеклянной вставкой представлено серебряной овальной подвеской. Трехцветная вставка-литик из полосок синего, зеленого и молочно-белого цветов имеет резное углубленное изображение всадника (см. рис. 12, 2). Подобные литики были широко распространены в годы второго триумvirата. Литик из стекла тех же цветов с портретом юного Октавиана в оправе бронзового перстня обнаружен в некрополе Золотое⁵¹.

Помимо фибул в святилище имеются и другие детали от римского военного костюма⁵². Две бронзовые (рис. 13, 1) и две серебряные (рис. 13, 2) пряжки от ремней легионеров («цингулум» или «балтеум», как предлагают называть мужские пояса I в. н.э. М. Бишоп и Д. Коулстон⁵³) близки широко представленным находками из

⁴⁸ Ibid. P. 127–133, № 113.

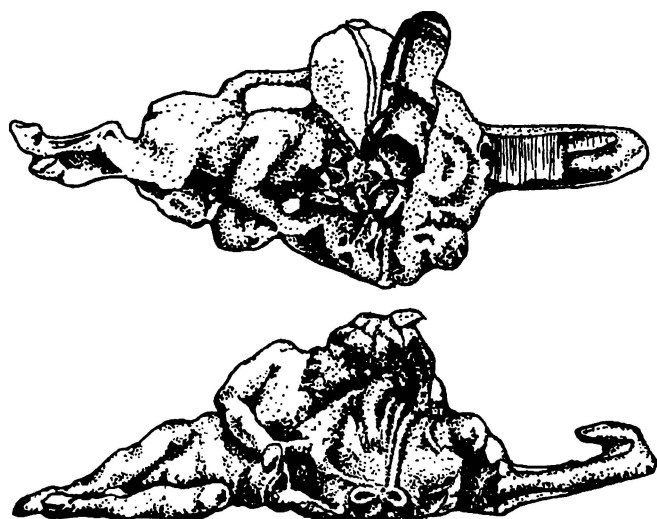
⁴⁹ Harden D.B. *Glass of the Caesars*. Milan, 1987. P. 91; Chase G.H. *Greek and Roman Antiquities*. Museum of Fine Arts. A Guide to the Classical Collection. Boston, 1950. P. 168.

⁵⁰ Неверов О.Я. Римские портретные геммы времени гражданской войны I в. до н.э. в собрании Эрмитажа // СГЭ. 1971. 32. С. 19, 21; Ваулина М.П. Классические и раннеэллинистические элементы в античных камеех Государственного Эрмитажа // Труды ГИМ. 1962. VI. С. 235; Борисова В.В. Склеп I–III вв. херсонесского некрополя // СА. 1985. № 1. С. 197. Рис. 6, 7.

⁵¹ Неверов. Ук. соч. С. 62–63; Корпусова. Ук. соч. С. 61. Рис. 18, 4.

⁵² Новиченкова. О римских вещах... С. 6.

⁵³ Bishop, Coulston. Op. cit. P. 96. Fig. 59.

a

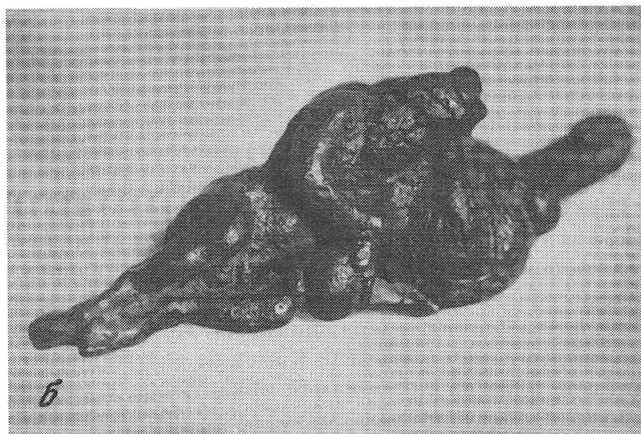

Рис. 14. Бронзовая пряжка с фигурным изображением спящего Пана
(*a* – прорисовка в натуральную величину; *б* – фото)

римских военных лагерей деталям так называемых норико-паннонских поясов 10-х – 40-х годов I в. н.э.⁵⁴ Пряжка, подобная нашим серебряным, обнаружена в кладе второй половины I в. н.э. в Текие на территории Сербии⁵⁵. На Гурзуфском Седле найдены нашивавшиеся на ремни бронзовые рельефные пластины с умбонами в центре: одна прямоугольной формы (рис. 13, 3) подобна щитку пряжки из Пантикапея⁵⁶ или из клада в Текие⁵⁷, вторая, круглая, с изображением четырех животных, бегущих по кругу, и умбоном в центре (рис. 13, 4), так называемого «охотничьего» типа, имеет форму, характерную для кельтских древностей I в. до н.э. – I в. н.э.⁵⁸ Две круглые

⁵⁴ Webster G. The Roman Imperial Army. L., 1969. P. 122 f. Fig. 12; Jun Relmann M. Die Legionen des Augustus. Mainz am Rhein, 1986. S. 25. Taf. 52, 57 c; Жукин. На рубеже эр. С. 56.

⁵⁵ Mano-Zisi D. Nalaz iz Tekije. Beograd, 1957. Tabl. 17.

⁵⁶ Трейстер. Римляне... Рис. 2, 4.

⁵⁷ Попович И. Римски период // Античко сребро у Србији. Београд, 1994. С. 271–273.

⁵⁸ Roffery B. The Island Celts // The Celts. Milan, 1991. P. 55; Maccana P. Celtic Heroic Tradition // Ibid. P. 656.

бляхи, бронзовая и серебряная, украшены рельефными концентрическими кругами. Несколько удлинённых посеребрённых пластин, гладких и с растительным орнаментом, серебряные заклепки с широкими шляпками (рис. 12, 4), украшавшие ремни портупей, другие серебряные детали амуниции (рис. 12, 3, 5) аналогичны известным из римских лагерей и из клада в Текие⁵⁹.

К серии итальянских вещей, вероятно, относится бронзовая фигурная пряжка с изображением бога Пана, спящего на бурдюке возле опрокинутого кубка (рис. 14, а, б), за спиной которого лежит горит⁶⁰. Близкие пряжки, но с фигурами Диоскуров, известны среди этрусских памятников IV–III вв. до н.э. и, как принято считать, принадлежат амуниции⁶¹. Ажурный щиток бронзовой пряжки времени Клавдия-Домициана (рис. 13, 2) напоминает находки из Ход Хилла и Рейнгенхейма⁶². Имеется и фрагмент окончания пряжки такого же типа в виде литого выступа с чашеобразным углублением.

* * *

Группа предметов римского военного снаряжения, представленная в публикации, необычна по своему составу и разнообразию, особенно если учесть редкость находок римского оружия⁶³. Некоторые образцы римского оружия из святилища у перевала Гурзуфское Седло, такие, как кольчуга «лорика хамата» и умбоны щитов «скутум», известные в основном по памятникам скульптуры и сообщениям древних авторов, представляют собой уникальные археологические свидетельства.

Находки с Гурзуфского Седла позволяют утверждать, что римские провинциальные фибулы начали поступать в Северное Причерноморье не в первой половине или середине I в. н.э., как предполагалось ранее⁶⁴, а значительно раньше, так как ранние варианты шарнирных дуговидных фибул выходят из употребления к рубежу нашей эры (ранний вариант типа Авдисса) или к 15 г. н.э. (тип Алезия). Это утверждение подкреплено нумизматическими находками и многочисленными фрагментами раннеримской стеклянной посуды, связанной с созданием римской школы стеклоделия, которое относится к последней трети или последней четверти I в. до н.э. Надо полагать, что в святилище раннеримские фибулы появились в то же самое время, когда они были распространены и на Западе.

Среди римских вещей из Пантикапея выделяются две хронологические группы 30-х – 20-х годов до н.э. и 40-х годов н.э., которые «укладываются» в даты известных событий политической жизни Боспора⁶⁵. В первом случае они могут быть связаны с именами Асандра, Динамии, Полемона, когда установились дипломатические и военные контакты Рима с Боспором, в результате чего Боспор стал проводником римской политики в Северном Причерноморье⁶⁶.

⁵⁹ Bishop, Coulston. Op. cit. P. 98–99. Fig. 60, 1, 2, 4, 8, 9.

⁶⁰ Novičenkova. Op. cit. S. 129, № 19.

⁶¹ Reeder. Op. cit. P. 60, № 44.

⁶² Bishop, Coulston. Op. cit. Fig. 59, 1–4; Garbsch J. Die norisch-pannonische Franentracht im 1. und 2. Jahrhundert. München, 1965. S. 83–94. Abb. 46.

⁶³ Ридель М. Римское прикладное искусство – керамика, стекло, металл // Римское искусство и культура. Выставка Римско-германского музея города Кёльна. Кёльн, 1984. С. 90.

⁶⁴ Гороховский Е.Л. Римские провинциальные фибулы в Северном Причерноморье (хронология и периодизация) // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. и сообщ. семинара. Парутино, 1985.

⁶⁵ Трейстер. Римляне... С. 66–70.

⁶⁶ Блаватский В.Д. О римских войнах на Таврическом полуострове // Античная археология и история. М., 1985; Шелов Д.Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. 1981. № 4; Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М. – Л., 1949; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994 и др.

Стратиграфические данные указывают на то, что лунница (деталь сигнума) была пожертвована в святилище до или в период создания ритуального комплекса для сожжений, т.е. не позднее рубежа нашей эры. Вряд ли эту жертву можно рассматривать иначе, чем трофей, так как утрата военного знака считалась позором в римской армии и влекла за собой серьезные последствия. Таким образом, эта находка (а возможно, и какие-то другие предметы, представленные в настоящей публикации, но не имеющие такого же четкого стратиграфического подтверждения их датировки) свидетельствует в пользу предположения об осуществлении римлянами военных акций в Таврике в связи с междоусобицами на Боспоре⁶⁷. Возможно, эти действия не получили должного освещения у римских историков как не вполне удачные.

Вторая дата – 40-е годы н.э. – может быть соотнесена с событиями римско-боспорской войны 45–49 гг., когда потребовались определенные усилия римлян для нейтрализации сепаратистских тенденций боспорского царя Митридата VIII⁶⁸. Этим временем датируются детали мечей «типа Майнц», норико-паннонских поясов, шарнирные фибулы-броши и другие категории римских вещей, найденные в святилище у перевала Гурзуфское Седло.

ROMAN MILITARY EQUIPMENT IN THE SANCTUARY AT THE GURZUF SEDLO PASS

N.G. Novichenkova

During the excavation in 1981–1993 of the sanctuary at the Gurzuf Sedlo pass in the Crimean mountains hundreds of objects and thousands of fragments of Roman things belonging to different times were discovered (coins, metal figurines, jewelry, glass, metal and red-glazed utensils, window pane, tools, writing accessories, details of military uniforms, armaments). They are dated to the I c. B.C. – early II c. A.D., but the majority of the finds are of the second half of the I c. B.C. – first half of the I c. A.D. All the periods of Roman penetration into the Crimea are differently represented by the finds from Gurzuf Sedlo, that is why the collection of Roman objects from the sanctuary may serve as an important source for studying Roman influence and the immediate presence of Romans in the Northern Pontic region.

Articles of Roman military equipment usually found in places of the stay of the Roman troops do not make up a separate complex and lay indifferent layers, pell-mell with heterogeneous votives donated to the sanctuary during the ancient epoch. The published group is unique in its composition: besides arrowheads of catapult, spearheads, fragments of 3–4 Roman swords of the Mainz type and their scabbards, there are details of two helmets (cheek plates, forehead guards, a handle for fastening the helmet of the *coolus* type to the belt during a march), big parts of an iron helmet casque and a cheek plate from it, many fragments from a Monteforino bronze helmet. Two bronze umbones of the shields *scutum* existing since the Republican times are the first such finds in archaeological practice. The Roman coat of mail (*lorica hamata*) cut in the sanctuary (848 fragments) is also unique. Of horsemen equipment spurs are particularly noteworthy.

A group of early Roman hinged arc fibulae of the second half of the I c. B.C. – first half of the I c. A.D. (17 items) includes different variants of Alesia type, early Aucissa type, extremely seldom found in the Crimea. Of special interest are individual fibulae: a dolphin-shaped one, the so-called *omega*; a brooch with a glass cameo. There are also such details of a Roman military uniform as a buckle with sleeping Pan, bronze and silver buckles of the norico-pannonian belts of the 10–40ies A.D. plaques with

⁶⁷ Трейстер. Римляне... С. 69; Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 211 сл.

⁶⁸ Зубарь. Херсонес Таврический... С. 28.

umbones in the center and silver rivets ornamenting sword belts. Stratigraphic data point to the fact that the bronze crescent shaped plaque (apparently a detail of signum) was sacrificed to the sanctuary in the last third of the I c. B.C. This and other signs confirm the supposition about Roman military actions in Taurica in connection with the internable strife in the Bosphorus in the first decades of the reign of A.D. Augustus. One more group of objects could be attributed to the events of the Roman–Bosporan war of A.D. 45–49, when Romans had to make certain efforts to neutralize the separatist tendencies of Mithridates VIII. A group of Roman things of the second half of the I – early II c. A.D. pertaining to the time of the Roman military presence in the North Pontic region is likewise worthy of note.

The articles of Roman military equipment from the sanctuary among which four chronological groups could be singled out reflect the unstable situation in the Crimea connected with the complicated relationships of Rome, Bosphorus and Chersonesus with the participation therein of the local tribes. The objects might have been donated to the sanctuary by the militarized elite of the local population of the mountain Crimea which was in the sphere of the influence of the Bosporan kingdom and supported Bosphorus in the period of the establishment of Roman influence in the Northern Pontic region in the second half of the I c. B.C. – first half of the I c. A.D. when the sanctuary was at the peak of its glory.